

Владимир БРОВИКОВ

„МОЯ СОВЕЩЬ ЧИСТА“

Портрет опального политика на изломе времени

В феврале 1990 года диктор программы «Время» произнес эту фамилию с ударением на последнем слоге: «Бровиков». В марте ведущий исправился. С тех пор дикторам уже не доводилось ее произносить. С политического горизонта это имя как бы исчезло...

На мартовском Пленуме ЦК КПСС В. Бровиков прямо с трибуны заявил: «Считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично отвечать не только товарищ Лигачев, которого тут называли, но и товарищи Горбачев, Медведев, Слюньков, Яковлев, Лукьянов. Они, мне кажется, не совсем оправдали оказанное им доверие и не полностью справились с порученными участками работы...». Последствия предугадать несложно.

Что ж, остается лишь вспомнить увядающую латынь: *vae victis*. Да-да: горе побежденному. Каюсь, именно эти мысли одолевали по пути в столицу. Но размышления собеседника, простая улыбка, теплая встреча убили в обратном...

На что рассчитывал своими выступлениями к тому времени еще Чрезвы-

чайный и Полномочный Посол в Республике Польша Владимир Бровиков? Какова позиция политического деятеля, работавшего, как известно, до это-

го Председателем Совмина Белоруссии, вторым секретарем ЦК КПБ? Раскаивается ли ныне уже пенсионер союзного значения В. Бровиков за свои слова сейчас, находясь в отставке? Вопросов множество.

Сегодня мы предлагаем интервью опального политика, которое он любезно согласился дать специальному корреспонденту «Віцебскага рабочага» Александру Шиловичу.

Почему нашей газете, когда у него, наверняка, были предложения более известных изданий? Не все читатели, пожалуй, помнят и знают, что в конце шестидесятых В. Бровиков был редактором «Віцебскага рабочага». А сильные личности надежность и верность проносят через года. Впрочем, это первый и последний комплимент нашему бывшему редактору. Почему? На этот вопрос вы, уважаемые читатели, надеемся, тоже найдете ответ. Что касается программы «Время», то, простите за каламбур, время покажет, навсегда ли из текстов ее ведущих исчезла фамилия Бровикова.

(Начало интервью с В. И. Бровиковым публикуется на 3-й странице.)

„МОЯ СОВЕСТЬ ЧИСТА“

— Вам нравится слово «перестройка»? Тот же Солженицын вопрошал: а почему, скажем, не очищение? Дело, безусловно, не в абстрактном понятии. Надеемся, несмотря на ее младенческий возраст, стоит поразмышлять и о реальном выполнении этого модного термина. Духовное раскрепощение — да. Однако проза нашей грешной жизни — авоська Марии Петровны — давит все-таки на наше бытовое сознание. Нет сомнения: свобода личности во сто крат весомее сытого желудка. И все же...

— Я не стал бы цепляться к слову. Любимым словом того же Хрущева была реорганизация. Все бесконечно реорганизовывали. Реорганизация и перестройка в общем синонимы. Только первое заимствовано, а второе — от русского корня. Нравится оно или нет? Думаю, вся жизнь — это перестройка. Перестройка прошлого на новый лад, совершенствование. Попросту диалектика — развитие от низших форм к высшим. Если в слово «перестройка» вкладывается постулатное развитие, то оно не вызывает у меня никакой аллергии.

В одном из выступлений я говорил, что никто не знает, что это такое — перестройка. Каждый толкует по-своему, как ему политически выгодно. В Литве — перестройка, в Грузии — перестройка, в Молдове — перестройка... Везде перестройка. Но устраивает нас эта перестройка или нет? Понимаете, как только возникает проблема, мы кричим: «Ах, как это плохо. Это отступление от всех наших норм и т. д.». Ведь так было с Литвой? Помните: «Это ужасно. Как Литва вообще смеет заявлять такое!». Все набросились на бедную Литву и доказывали, что она поступает плохо. Так? Она же, кстати, под флагом перестройки все это делала. Когда же никак не смогли повлиять, иной возглас: «А тут ничего плохого нет...».

— ...Формируется новый союз суверенных государств. — Вот именно. Ни тогда, когда мы приступали к перестройке, ни на одном из ее этапов мы не имели четкой концепции перестройки. Концепция формируется уже в ответ на какие-то события. Наша реакция — реакция пожарных. Там что-то загорелось, не сумели погасить — вот и правильно, что горит. — Ведь горит просто какой-то ненужный забор застойного периода...

— Пусть и горит этот забор... Мы идем в хвосте событий, а не впереди. У нас нет прогноза, а самое главное — нет серьезного научного предвидения последствий тех или иных событий. Мы же десятки раз на это натывались. Пьянство — наш бич. Одним махом давайте покончим с ним. Объявили войну; трах-бах — 20 миллиардов годовой дефицит. Это «китайский» метод. Потом ищем эту водку по зарубежью, свои-то мощности закрыли. Теперь возьмите кооперацию. Собственно ленинская хорошая идея. Но правовую базу не подвели к ней. Привело к тому, что она скомпрометировала себя и теперь ее здорово надо защищать и направлять, чтобы она соответствовала прежде всего потребностям общества. А возьмите госприемку...

— Вот так легко, наивно, на уровне обыденного сознания действуем. Так далеко от подлинной науки и подлинной политики. А подлинная

политика всегда рассчитана на дальний прицел, на конечный результат. Мы же идем ощупью, путем проб и ошибок. Поэтому я не против понятия «перестройка». Я за перестройку в том понимании, как я ее представляю: серьезная работа по исправлению ошибок, искоренению того, что мешает двигаться вперед, раскрепощению личности, ее инициативы. Но пока все то, что мы делаем, не раскрывает никакой инициативы. Это все единичные примеры и, простите, очень

Очень опасно. Слишком уж мы низко ползаем перед западными толстосумами.

— Что нас спасет: экономические и политические реформы или духовность? А может?.. Поставьте, пожалуйста, их по степени значимости.

— Все наши беды и все наши недостатки корнями уходят в экономику. Если бы у нас не было экономических проблем, было бы гораздо меньше проблем политических, национальных и социальных. Поэтому начинать надо не завтра, не через 500

в производственной сфере, при отсутствии товаров и конкуренции. Кто-то просто нагледелся на витрины Запада. Вот, дескать, шведы живут. А что шведы не воевали со времен Северной войны, что их рынок существует 300 лет, почему-то не учтываем.

Рыночные отношения в условиях социалистической экономики вещь необходимая. Наша политическая экономия, созданная по конспектам Джугашвили, не та политическая экономия. Из марксовской теории выброшено очень

на эти права. Ни власти по вертикали, ни кто-либо по горизонтали. Власть должна создавать условия для того, чтобы человек мог пользоваться своими правами. Сегодняшнее состояние страны не лезет в эти рамки.

— Всегда с одной стороны права, а с другой — обязанности. Это вещи неразрывные. С одной стороны свобода, с другой — отсутствие свободы действовать против общественных интересов, т. е. против интересов всех. Для этого нужна обязательно сильная власть. Демократия без сильной власти не бывает.

Возьмите любую западноевропейскую страну, США. Там очень сильная власть. Какие там правоохранительные органы... Наши просто котятя по сравнению с ними. Разве в Великобритании можно существовать выступить против власти? Да там сразу же задавят.

— Владимир Игнатьевич, мой друг недавно возвратился из Москвы с парадоксом столичных очередей: «Есть везде и всюду, почти нет лишь в Мавзолеях». Вы, конечно, понимаете, к чему я клоню. Ваше прочтение Ленина? Не секрет, что оценка Ильича со знаком «плюс» сегодня является безусловным пропуском в отряд ортодоксов и догматиков.

— Я против обожествления и идеализации Ленина. Это делалось не без усилий Сталина и его ближайшего окружения. Расчет простой. Авторитет вождя высок, и тот, кто этот авторитет подерживает, сам вроде второго Ленина. Все наши руководители считали себя верными ленинцами. Все без исключения.

Ленин — выдающаяся историческая фигура. Такие люди, думаю, рождаются не чаще, чем раз в столетие. Величайший теоретик, политик, революционер. Хотя без конкретизации могу сказать: не стал бы утверждать, что Ленин был безупречен.

— В известных «Камешках на ладони» В. Солоухина встречается эпизод, где Ильич предстает далеко не идиллическим дедушкой. — Во-первых, примитив. Во-вторых, натаскивание. Логика же этого явления угадывалась давно. Полгода назад этого не было. Так и идет все к тому, чтобы нас лишить политического и духовного наследия. Нет Ленина, нет ленинизма. Зачем вообще все остальное? Есть хороший капитализм, чудесные Соединенные Штаты. Они нас прокормят.

— Вперед, товарищи!

— Какие товарищи? Уже лучше проглатывается дамы и господа... Однако в теории и практике ленинизма заложены самые гуманные идеалы. И то, что идеалы не достигнуты, что мы во многом шли по ложному пути, так и не выбравшись из болота грубо-уравнительного социализма, не значит, что ленинизм с его целями и идеалами утопия.

Говорят, что погубили в людях чувство хозяина. Социализм, дескать, погубил. А где чувство собственника есть на Западе? На предприятиях Форда, на японских фирмах? Да чушь это, сказки для легковерных. Рабочий везде есть рабочий. Везде он создает прибавочную стоимость, и против этого тезиса трудно возражать. И при социализме он тоже создает прибавочную стоимость, только приравняет ее государство.

Интервью взял А. ШИЛОВИЧ.

(Окончание следует).

На снимке: идет регистрация делегатов XXV съезда КПСС.

Фото Н. АМЕЛЬЧЕНКО.

жалкие потуги лидеров теневой экономики выдать за провал перестройки.

— Наверное, не так страшны пустые полки, как утрата гордости за себя, свой народ, свою историю и язык. В том же Программном заявлении XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму» часто слышишь встречать святое русское слово «братство». Превычайный Полномочный посол США в СССР Мэтлок может на белорусском языке произнести речь на открытии выставки в Минске, а десяти-миллионный народ забывает язык своих предков. Разрушение души налицо. Мы готовы верить сегодня в НЛО, черта, Чумака... Но те же астрологи предсказывают улучшение социального самочувствия страны лишь в год Свиньи 1995-й. Так что — еще пять лет проб и ошибок?

— Как бы этот год ни назывался — Свиньи или Собаки. — был бы согласен, чтобы к тому времени произошли позитивные изменения. Относительно предсказаний я более пессимистически настроен, нежели астрологи. 1995-й? Дай бог. Решить бы хоть основные наши проблемы. При нашей-то бедности это очень трудно. Мы ведь говорим о рынке, его насыщении, а производство сокращается. Говорим о справедливом распределении, а производство падает. Значит, полки будут еще больше пустеть. А если будем рассчитывать, что придет добрый дядя Сэм и заполнит их... Он заполнит за счет своих залежалых товаров, но это нам влетит в копеечку. Да и угроза экономической зависимости нависнет над нами.

— Рассчитываться за «мудрые» идеи дедушек будут внуки и правнуки. Не впервой.

— У нас и так много долгов. Если же мы поддадимся искушению решить свои проблемы за счет иностранных кредитов, то это опасно для

дней, а немедленно. И начинать с вещей практических. На данном этапе без централизованного управления, невозможно будет управлять. Не подумайте, что Бровиков сторонник так называемого административно-матерного метода, нет, наоборот, прогивая. Однако теперь в переходный период мы должны усилить значение центра.

И социализм, пока все не оборот. Во всем мире идет процесс интеграции, а у нас, если брать наш бывший сплав и наш бывший Союз, господствуют дезинтеграционные процессы. Дезинтеграция грозит большими бедами. Не правдивы мифы о свободе и самостоятельности в национальных экономических звеньях — на предприятиях привела к началу разрушения производственных связей. Предприятие может поставить продукцию, может не поставить, может заложить одну цену, может другую. Пока мы введем рынок, наша экономика свалится в пропасть. Разве можно сегодня говорить о рынке, если на нем все, кроме денег, в страшном дефиците. Надо, чтобы были товары, средства их производства, надо, наконец, их произвести. А мы все спорим, с какой стороны рельсу есть.

— Еще в начале года прочитал, что вы согласились с необходимостью частной собственности, эксплуатации, безработицы. Но и предупреждали, что бросаться в этот омут в масштабе страны опасно. Теперь мы все повторяем, как заклинание: «спасение — рынок». Ваша позиция?

— Если мы неосмотрительно, сломя голову бросимся в рыночную стихию, то эти понятия станут суровой реальностью. Рынок по-разному понимается: рынок западного типа и рыночные отношения. Мы напирание на рыночную стихию, мол, рынок все сам урегулирует. Но он же невозможен вообще при нашем монополизме

многое, что касается экономических законов. Без рыночных отношений, без сопоставления результатов труда на рынке, без конкуренции невозможно дальше развиваться. Нам необходимы рыночные отношения, но не рынок в западном понимании.

— У великого Руссо пропал: «Если кто-нибудь говорит о делах государства: «Что же до этого?» — следует считать, что государство погребено». У нас, согласитесь, авторов подобной реплики найдется немало. Так что?

— Что меня расстраивает, когда анализирую сегодняшнюю нашу ситуацию? То, что наряду с внешней митинговостью (это многими оценивается как всплеск политизации общества), налицо апатия людей. И кругом — «что мне до этого?». Общественная и политическая апатия — опасная и страшная вещь. А безразличие к тому, что делается в государстве, видно невооруженным оком.

— Владимир Игнатьевич, в заголовке вашего мартовского интервью республиканской газете «Звезда» выисены ваши слова: «У демократии два антипода — тоталитаризм и анархия...». Ну, а «золотая середина» демократии существует? В чем ее суть? Разумеется, в контексте нашей страны. Кстати, переживаемый период получил довольно меткий термин «охлократия» или власть толпы («охлос» — по-гречески «толпа», отсюда «охломок» — человек толпы). В истории болезни демократии, может быть, это точный диагноз?

— В определении, которое дала «Звезда», содержится мой взгляд на демократию. Я полностью разделяю марксистское положение о том, что свобода — это осознанная необходимость. Демократически устроенное общество — это общество, в котором всем людям удобно жить. Все имеют права и никто не имеет права посягать